

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

**РАЗВИТИЕ ИДЕЙ С.Л РУБИНШТЕЙНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ЛАБОРАТОРИИ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ ИНСТИТУТА
ПСИХОЛОГИИ РАН***

© 2018 г. М.И. Воловикова*, И.А. Джидарьян**

*Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии личности, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1; e-mail: margarita-volovikova@ya.ru

**Кандидат философских наук, старший научный сотрудник, там же.

Поступила в редакцию 26 февраля 2018 г.

Аннотация. Представлены результаты теоретического анализа развития идей С.Л. Рубинштейна в исследованиях лаборатории психологии личности Института психологии РАН. Показано, что ведется разработка направлений, связанных с нравственной проблематикой, затрагивающей такие характеристики личности человека как совесть, правосознание, патриотизм, ценностные ориентации и психологическое здоровье. Продемонстрирована преемственность и конкретизация идеи С.Л. Рубинштейна об этике как «дифференциальной онтологии» в изучении позитивных феноменов веры, надежды и любви. Представлена теоретическая новизна разработанного понятия «оптимистическая триада». Сформулирована идея о триединстве веры, надежды и любви как духовной, жизнеутверждающей основе активности личности. Показано, что эта триада, отражающая высшие чувства и важнейшие составляющие внутреннего мира личности, образует своеобразную духовную ось, генерирующую необходимые для полноценного человеческого бытия благотворные, созидательные силы. Сделан вывод, что триединая сущность веры, надежды и любви выражается в том, что каждая из них имеет свои основания в двух других, усиливающие жизненный потенциал и способствующие более полной реализации возможностей друг друга. Показано, что вера, лишённая любви, может приводить к

* Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2016-0002.

фанатизму. Описана методика для выявления представлений о любви и ее отличие от большинства зарубежных аналогов, которое состоит в ориентации на ценностно-смысловой аспект любви в межличностных отношениях. Выделена трехфакторная структура опросника, определившая его субшкалы: “Любовь-помеха”, “Любовь-самоотдача”, “Любовь как возвышающая человека сила”. Высказано предположение об актуальности проведения аналогичной работы по уточнению современного понимания феноменов веры и особенно – надежды.

Ключевые слова: С.Л. Рубинштейн, традиции, дифференциальная онтология, нравственность, культура, оптимистическая триада, вера, надежда, любовь, опросник.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из научных направлений, составивших фундамент созданного в 1971 году академического *Института психологии*, стала школа Сергея Леонидовича Рубинштейна (1889-1960). Его ученики и последователи, работавшие в основанном им *секторе философских проблем психологии*, в 1972 году перешли практически всем коллективом из *Института философии АН СССР* в новый *Институт*, принеся с собою интерес к изучению методологических вопросов психологической науки. Из этого сектора впоследствии образовался ряд лабораторий (*социальной психологии, истории психологии* и др.), среди которых была *лаборатория психологии личности*, созданная в 1984 году.

Первым заведующим лабораторией психологии личности Института психологии АН СССР стала Людмила Ивановна Анцыферова. Она сохранила в научном коллективе и развила интерес к методологическим проблемам психологии. Под ее же руководством были выполнены и первые работы, посвященные моральной регуляции поведения личности (Воловикова, Харламенкова, 2017).

С 1991 по 2010 год лабораторией руководила Ксения Александровна Абульханова. Время перестройки социальных и экономических отношений в

российском обществе поставило личность в условия необходимости решения принципиально новых проблем. И лаборатория оказалась готова к такому периоду жизни страны. Исследования личности как субъекта ответственности, выводы о том потенциале, который присущ российскому менталитету, работы о личностном времени составили «золотой фонд» отечественной психологии. В публикации 1991 года была впервые сформулирована идея российского, отличного от западного типа морально-правовой социализации личности, опирающегося на совесть (Абульханова-Славская и др., 1991).

Рубинштейновская традиция в лаборатории не прерывалась, воплощаясь в разные периоды времени в разработке методологии исследований психологии личности, психологии субъекта и в постоянном интересе к вопросам морально-нравственной регуляции поведения. Все годы, начиная с 1960-го, в секторе, а затем и в лаборатории разрабатывались уникальные для отечественной психологии темы, такие как эстетическое отношение к миру, в 1976 году вышла монография «Эстетическая потребность» (Джидарьян, 1976), а также в 1990-е годы возникло научное направление, посвященное такой редкой проблематике, как изучение счастья и оптимизма человека (Российский менталитет..., 1997).

Цель настоящей статьи:

- сделать анализ современных разработок лаборатории психологии личности;
- проследить связь исследований лаборатории с идеями С.Л. Рубинштейна.

Исследования лаборатории психологии личности в 2010-18 гг.

Одним из основных направлений лаборатории являются исследования, связанные с нравственной и духовно-нравственной проблематикой:

- разрабатывается *макропсихологический* подход к изучению нравственных проблем современного российского общества. Начиная с 2010 года, вышли в свет несколько коллективных работ, посвященных психологии нравственности и

духовно-нравственной психологии (Воловикова, Журавлев, 2018; Макропсихология..., 2009; Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011; Юревич, Журавлев, 2012; Нравственность современного российского общества, 2012; Психологические исследования нравственности, 2013 и др.);

- развивается духовно-нравственный подход к исследованию правосознания личности (Борисова, 2017);

- изучаются психологические аспекты коррупции (Китова, 2016);

- исследуются современные представления о совести (Мустафина, 2016, 2017);

- ведется исследование ценностных ориентаций личности (Журавлева, 2013 и др.);

- разрабатываются вопросы патриотизма личности (Лебедев, Гордякова, 2016; Соснин, 2009, 2015);

- реализуется духовно-нравственный подход к проблеме психологического здоровья личности (Психологическое здоровье..., 2014);

- развивается и конкретизируется идея нравственной элиты, сформулированная А.Л. Журавлевым и А.Б. Купрейченко (Журавлев, Купрейченко, 2010; Volovikova, Zhuravlyov, 2016).

Здесь выделены только те направления, которые имеют отношение к психологии морали или нравственности – центральной теме творчества Рубинштейна в течение продолжительного периода его работы над книгой «Человек и мир» (Рубинштейн, 1997), увидевшей свет только после смерти автора и появившейся благодаря большому труду по подготовке текста, проделанному преданной ученицей К.А. Славской (Абульхановой). Сотрудники лаборатории занимаются и другими проблемами.

Наши работы последнего периода посвящены конкретизации идеи Рубинштейна об этике как «*дифференциальной онтологии*» (Рубинштейн, 1997).

Онтология – учение о бытии. Категория, противоположная бытию – небытие. Дифференциальная онтология определяет любовь как утверждение бытия другого человека. Реализован вклад в понимание *любви* как мета-чувства в соотношении с родственными, но не тождественными ей чувствами *веры* и *надежды*. Впервые сформулирована идея о триединстве *веры, надежды* и *любви* как духовной, жизнеутверждающей основе активности личности (Джидарьян, 2011).

Оптимистическая триада чувств

В психологии известна «трагическая триада» В. Франкла. В нее входят такие экзистенциальные факты жизни как *боль* (страдание), *вина* и *смерть* (Франкл, 1990). Создатель логотерапии вынес опыт преодоления этого трагизма из своих воспоминаний о концлагере. Он советует превращать страдания в достижения, использовать вину, чтобы стать лучше, и действовать ответственно, назвав такой способ поведения в запредельно трудных жизненных обстоятельствах «трагическим оптимизмом».

«Трагическая триада» Франкла является прямой альтернативой тому, что объединяет «оптимистическую триаду» – *веру, надежду* и *любовь*. В отличие от первой триады, этот «союз» с максимально присущей ему позитивностью и выраженностью того, что Рубинштейн называл «человеческим в человеке» и что делает людей способными смягчать, преодолевать, а нередко и побеждать объективный трагизм жизни. Поэтому, по аналогии с трагической триадой, противостоящая ей по позитивности и объективному смыслу триада была названа «оптимистической».

Склонность к триадам психология переняла от философии, в истории которой эта традиция начинается с древнегреческих мыслителей, а свою наиболее широкую реализацию получает в немецкой классической философии – в диалектической системе Гегеля. Известно также идущее от Тетенса и Канта

трехчленное деление психических явлений на *интеллектуальные, эмоциональные* и *волевые*. Многими современными исследователями признается трехмодусное существование психического в качестве *процесса, состояния* и *свойства*. Так, Рубинштейн определял личность как триединство «хочу», «могу» и «Я сам». Б.Г. Ананьев говорил о триаде социальных деятельностей (*труд, общение, познание*), приводил триадическую схему исследования психологических проблем (*индивид – деятельность – среда*) и т.д.

Духовная, внутренне активная жизнь личности, помимо смысловых образований отличается многообразием переживаний и чувств, среди которых выделяются вера, надежда и любовь. Их уникальность состоит не только в высоком духовном статусе, но и в том особом типе связи между собой, который дает основание использовать по отношению к ним понятие «триада».

Триада – это высший уровень единения отдельных феноменов в целостную структуру, в рамках которой эти явления получают свою логическую завершенность, дополняя и обогащая друг друга, раскрывается их подлинная природа, реализуются новые возможности.

По своей первичной основе эта триада архетипична, «окультурена», укоренена в структурах обыденного сознания и в большинстве случаев воспринимается как нечто само собой разумеющееся, изначальное, неоспоримое, включенное в непосредственный опыт наших переживаний. В народном сознании сохраняется память о трех девочках-сестрах Вере, Надежде и Любви. Старшей Вере было лет 12, Надежде – 10, а младшей Любви было всего 9 лет, но, несмотря на столь юный возраст, все сестры предпочли мучительную смерть предательству тех идеалов, которым соответствовали значения их имен, – идеалов веры, надежды и любви. Каждый год 30 сентября празднуется их память.

Однако на уровне научного знания феномен триединства веры, надежды, любви не отрефлексирован и не стал пока объектом конкретных исследований в своем качестве целостности и однородности всех трех его составляющих.

Одна из тенденций современной психологической науки состоит в расширяющемся интересе к позитивной проблематике. Интенсивно развивается «позитивная психология» (Селигман, 2006). С этих позиций, данная исключительно позитивная триада должна иметь не только житейский, но и научный статус. Образующие оптимистическую триаду единичные сущности, включающие веру, надежду, любовь, относятся к классу высших чувств, выражающих область духовного в человеке, в его отношении с трансцендентной стороной реальности. Эти высшие чувства интегральны по отношению к личности, но изучать их научными методами очень сложно, а подчас и невозможно. Однако природа этих чувств представляет объяснимые трудности для научного исследования. Хотя, будучи закрыты для сухого языка науки, эти и подобные им проявления духовной сущности человека оставались преимущественно объектом внимания поэтов и писателей. К их наблюдениям и открытиям обращаются и ученые при рассмотрении личностных структур высшего, мета-эмпирического уровня, используя богатый психологический материал, содержащийся в созданных ими художественных произведениях. Наука с ее сугубо понятийными и логическими способами познания мира не владеет пока соответствующей системой понятий, способной адекватно выразить все содержащееся в этих чувствах богатство смыслов, парадоксов, переживаний с их открытостью бесконечному и всеобщему в человеке и мире.

В психологии последнего периода наметился интерес к «вершинным» (Ананьев) образованиям человеческой психики, появилось стремление раскрыть психологическое содержание таких понятий как «субъективное благополучие», «счастье», «смысл», «совесть», «идеал» и др. (Журавлев, Юревич, 2014; Психология нравственности, 2010; и др.). В рамках позитивной психологии были

сделаны попытки изучения любви, веры и надежды (последней, правда, досталось меньше всего внимания ученых). Однако все известные эмпирические и теоретические исследования, изучают каждое из составляющих «триады» изолированно друг от друга, не затрагивая и не обсуждая проблему их целокупности и приобретаемым в ней усиливающим и взаимообогащающим эффектом. В единую целостность эти чувства объединяют присущие им *оптимизм, духовность* и общая для них *жизнетворческая функция*.

Вера – первая составляющая оптимистической триады чувств и первая ступень на пути понимания их единой сущности. Она является первой и с точки зрения полноты выраженности в ней того качества личности, которое называется оптимизмом. *Оптимизм в наиболее кратком определении – это позитивное отношение и восприятие будущего* (Джидарьян, 2013). Не только в обыденной речи, но и в научной литературе понятия «вера» и «оптимизм» часто употребляются как однозначные и взаимозаменяемые. Нередко оптимизм определяется как вера в светлое будущее, означающее при всем разнообразии прилагаемых к нему эпитетов, конечное торжество добра над злом. Если и вера не в будущее процветание общества, то, по крайней мере, в возможность его улучшения, несмотря на все изъяды и бедствия (в науке эта, более мягкая форма оптимистического сознания, получила название мелиоризма – от лат. melior).

Существующие в психологической литературе определения веры очень разнятся между собой. Предлагаем следующее определение: *вера – наиболее близкий оптимизму личностный конструкт, имеющий не только выраженную эмоционально-чувственную, но и мировоззренческую основу и наделенный способностью выходить за пределы данного, «наличного бытия»* (С.Л. Рубинштейн) *в пространство будущего как желаемого, оправданного и одновременно реально возможного* (Джидарьян, 2011). Основную содержательную нагрузку в этом определении несет в себе категория «будущее».

Поэтому возможно и предельно *краткое определение веры как «чувства будущего».*

В своем наиболее общем значении будущее выражает одно из самых фундаментальных качеств человеческого бытия – пребывание во времени с его протяженностью и текучестью, представленном тремя измерениями – прошлым, настоящим, будущим. В этом своем качестве будущее фиксирует, прежде всего, однонаправленность времени нашего бытия, вектор движения жизни от настоящего к будущему. Будущее, несмотря на свою перспективность, эмпирическую неочевидность и фактологическую неосуществленность, тоже вид бытия, не менее реальный и переживаемый, чем прошлое и настоящее. В жизни не только настоящее определяет будущее, но и будущее оказывает давление на настоящее. И эта бытийность будущего достигается благодаря особым структурам в психике человека, к которым относится, прежде всего, вера и непосредственно связанная с ним по смыслу *надежда.*

Вера обеспечивает возможность смотреть не назад, а вперед, туда, куда явления нисходят, и в направлении, к которому они развиваются. Благодаря вере растет значимость будущего, поскольку вера открывает перед человеком жизненные перспективы и усиливает значимость происходящего.

Вера, как чувство будущего, обладает большой внутренней силой. Образно говоря, это не только ориентир, но и «аккумулятор» жизни, заряжающий энергетическое состояние тех, кто верит в лучшее, кто идет с этой верой к достижению своей заветной цели. Потеря веры – это духовный крах человека, который одинаково неприемлем даже с позиций атеистических представлений о жизни, добре и зле.

Во всех своих формах и проявлениях вера – это реальная жизненная сила, включающая в себя диктат убежденности, непоколебимости и властности, а вместе с ними и силу страсти, элементы воления, долженствования.

Такой феномен как *фанатизм* верой не является. Имея общие с верой механизмы, фанатизм представляет ту ее духовно искаженную, отчужденную от любви и надежды форму, когда она становится «слепой» силой, неподвластной доводам разума, а подчас и соображениям гуманизма, и милосердия.

Подлинная вера укрепляет волю, вселяет в человека стойкость, решимость, способность терпеть, мужественно переносить выпавшие на его долю лишения и невзгоды. Созидающей силой является для человека и вера в свои силы и возможности и обычно сопутствующее такому отношению к себе доверительное отношение к другим людям, особенно из числа любимых и духовно ему близких, с верой в их порядочность, творческие способности и надежность. В этом отношении вера тесно связана с доверием, но не тождественна ему.

Е.П. Ильин приводит такие основные различия между верой и доверием. Если вера представляет собой убеждение, то доверие представляет собой отношение. Вера связана с мировоззрением, она менее утилитарна, доверие связано с конкретной информацией, оно более утилитарно и т.д. Отмечается также то, что вера не требует доказательств, проверки, а для доверия проверка информации желательна (Ильин, 2013, с. 28).

В целом категория «доверие» востребована в современной психологии и относительно изучена (Ильин, 2013; Купрейченко, 2008; и др.). К категории «вера» (конкретнее – «вера в Бога») привлечено внимание социологов. Они отмечают, что «принадлежность к традиционным для России конфессиям так же, как и вера в Бога, повышает патриотические настроения россиян, более сильно актуализирует чувство Родины и желание в ней жить, а приверженцы традиционных российских религий более ориентированы на позитивное восприятие образа Родины» (Российское общество..., 2015, с. 196).

В вере кроется один из источников жизнестойкости личности. Или словами Грибоедова: «Блажен кто верует, тепло ему на свете». В своей устремленности к будущему как к чему-то особенно желаемому в конкретных

жизненных ситуациях вера плавно переходит и подкрепляется *надеждой* – следующей составляющей оптимистической триады чувств. Надежда является еще одним, сходным с верой, мощным фактором оптимистического мироощущения человека, способом утверждения бытия в его позитивной настроенности на будущее. Выражая чаяния и высшие духовные устремления, надежда противостоит отчаянию и безнадежности, образуя заградительный барьер на пути их разрушительного воздействия на психику. Надежда в трудные периоды жизни не оставляет человека один-на-один со своими сомнениями, жизненными потрясениями, неудачами, враждебностью и угрозами среды, оставляя «лазейку» для выхода из темной полосы жизни.

«Оставь надежду всяк, сюда входящий» – так написано над воротами ада в «Божественной комедии» Данте. Полное отсутствие надежды – вот что такое ад, по мысли поэта. То, что там не может быть ни веры, ни любви, очевидно. Но место, где нет ни лучика надежды – это полный мрак и безысходное отчаяние.

Если для оптимиста Пушкина в поэтическом произведении лицейской поры «лампа надежды зажжена», то для пессимиста Лермонтова, напротив, «светило надежды» померкло. Но и у того, и другого поэта образ «луча», источника света дает возможность подчеркнуть важнейшую функцию и жизненный смысл не столько веры, сколько надежды, как мощнейшего внутреннего ресурса личности, дающего необходимую жизненную энергию, стойкость, укрепляющего волю к жизни и силу духа. Освещая человека внутренним духовным светом, надежда, как и вера, снижает тревогу и страх человека перед «неведомым грядущим», помогает определиться в отношении будущего, внести в него частицу живого, одушевленного бытия. Потеряв надежду, человек уже «не принадлежит будущему» (А. Камю) и для него наступает если не физическая, то духовная смерть – потеря смысла и воли к жизни.

При рассмотрении надежды наибольшую трудность представляет вопрос ее разведения с понятием веры. Являясь подструктурами оптимистического сознания и будучи связанными между собой категорией будущего, они обнаруживают между собой больше общего, чем различного, и провести четкую границу между ними. Причем различия относятся к формам проявления, к различным оттенкам, степени выраженности и значимости в их структуре того или иного качества. Эрих Фромм заметил: «Надежда – это настрой, который идет рука об руку с верой. Без настроя, полного надежд, нельзя поддерживать веру. Лишь на фундаменте веры можно воздвигнуть здание надежды» (Фромм, 1999, с. 29).

Вера ближе к познавательным структурам, что доказывается, например, важностью точного знания символа веры для сохранения религиозной идентичности. Наиболее яркий пример тому – история с филиокве (от лат. *Filioque* – «и Сына»), принятым Римской церковью в XI веке добавлением к латинскому переводу Никейского символа веры, что привело к отделению католиков от православных.

Надежда более иррациональна. Ее предметный мир более субъективен, личностно и эмоционально окрашен и чаще оказывается привязанным к наиболее значимым и судьбоносным событиям собственной жизни или касающихся жизни человечества и сферы межличностных отношений. Поэтому он не всегда и не во всем совпадает с верой.

Надежда – это ожидание наиболее сокровенного, особенно желаемого, хотя и трудно выполнимого. Надежда меньше всего основана на доказательстве, обосновании; в ней больше интуитивного, эмоционально-бессознательного, а ее мобилизационный ресурс подключается обычно в критических для жизни людей ситуациях.

Выступая в качестве утешительного умонастроения человека и выполняя в целом, прежде всего и главным образом утешительную функцию, надежда не

содержит в своей структуре сколько-нибудь выраженного волевого начала. Активность надежды проявляется в том, что она придает смысл действиям, поддерживает волю к жизни, поднимает силу духа, учит терпению, возвращает человеку чувство контроля над обстоятельствами собственной жизни. Надежда – это состояние не просто бытия, а *активного бытия*.

Наконец, замыкающим звеном в «оптимистической триаде» чувств выступает *любовь*. Это тот самый случай, когда последнее по счету отнюдь не означает последнее по значимости, а скорее даже, наоборот. Именно акцент на любви сделан апостолом Павлом в его первом послании Коринфянам, где, как можно предположить, впервые в письменном тексте обозначена сама эта триада чувств: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор, 13:13). И там же: «если имею *дар* пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что *могу* и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто».

Первое, что отмечают все исследователи проблемы любви – это многообразие форм ее проявления, что затрудняет возможность дать единственное, обобщающее, тем более исчерпывающее ее определение. К основным разновидностям любви обычно относят романтическую любовь-привязанность, связывающую мужчин и женщин, любовь между родителями и детьми, между братьями и сестрами, любовь-дружбу, христианскую любовь к ближнему, любовь к Богу, любовь к родине, природе, искусству, животным и т.д.

К этому типологическому ряду правомерно отнести и *любовь к жизни*, не ставшую пока предметом внимания и сколько-нибудь целостного рассмотрения ученых, хотя понимание любви к жизни встречается у многих авторов. Более того, она практически даже не выделяется в соответствующей научной литературе как отдельный вид любви наряду со многими другими, различаемыми по объекту направленности. Однако любовь к жизни не менее реальна и укоренена в духовном мире личности, чем все остальные ее

разновидности, а в аспекте данной темы интересна и значима еще и тем, что проявляет наиболее выраженную сопричастность и единоприродность с верой и надеждой – двумя другими составляющими оптимистической триады чувств.

Второе, в чем единодушны все авторы в отношении любви – придаваемая ей очень высокая значимость. В реестре человеческих ценностей она занимает самые высокие позиции, соперничая разве что со счастьем, имея в то же время по ряду оснований даже определенные преимущества перед ним. С древних времен любовь ассоциируют с божественным началом, ее рассматривают как некую космическую силу, не имеющую ограничений ни во времени, ни в пространстве и причисляемую «к сонму главных сил мироздания» (Софокл), что «движет солнце и светила» (Данте).

Третье, что отмечается во всех работах и размышлениях о любви – это ее ярко выраженная человеческая сущность. По этой своей сущности любовь превосходит все остальные личностные проявления человеческой природы.

Любви всегда сопутствуют вера и надежда, а, следовательно, и присущий им оптимизм. Особенно четко оптимистическое начало представлено в такой разновидности любви, как любовь к жизни, которая в литературе чаще обозначается понятием «жизнелюбие», а человек соответственно характеризуется как жизнелюбивый. Любовь к жизни – это нечто гораздо больше, чем потребность выжить и смысл ее отнюдь не в удовлетворении этой потребности, выступающей материальной основой жизни человека, направленной на поддержание его физического существования. Любовь к жизни – это сфера человеческого духа, и в основе ее лежит потребность личности максимально реализовать себя, актуализировать свою потенциальность, мобилизовать все свои силы и способности.

В русском языке слово «любовь» очень многозначно (от любви к истине, до любви... к какой-то пище) и область его значений постоянно расширяется, подчас размывая его подлинный смысл. Поэтому важной является идея о любви

как мета-феномене, предполагающая необходимость проведения исследования обыденных представлений о любви в тех или иных группах населения в тот или иной исторический период, в той или иной культуре.

Эмпирическое исследование любви

Для уточнения понятий был проделан анализ многозначности современного понимания любви, а также разработана диагностическая методика (Джидарьян и др., 2014). Ее отличие от большинства зарубежных аналогов состоит в том, что она ориентирована на ценностно-смысловой аспект любви в межличностных отношениях.

Любовь настолько разнообразна по своим жизненным воплощениям, по богатству содержащихся в ней смыслов, парадоксов, переживаний, а также открытости вечному, трансцендентному, что вряд ли можно все это перевести в скупые понятия науки. Систематическое исследование любви, в том числе, разработка соответствующего исследовательского инструментария, наметилось лишь в 1980-е годы, под влиянием развития в мировой психологической науке позитивной психологии (Селигман, 2006). Было разработано около 30 опросников, но в большинстве из них любовь определялась в терминах привязанности, привлекательности, симпатии, преданности и пр. Существующие переводные методики направлены преимущественно на измерение эмоционально- и когнитивно-поведенческих проявлений личности.

Разработка нового опросника строилась на ценностно-смысловом аспекте любви как основном в концепции С.Л. Рубинштейна.

В основу опросника легли высказывания о любви известных мыслителей, писателей, поэтов, деятелей культуры разных времен и народов, ставшие крылатыми и получившие статус классических. Было отобрано около сотни таких выражений, в том числе пословицы и поговорки. Из этих афоризмов сначала были исключены «синонимичные», а затем выбраны те, которые

отражают наиболее важные грани проявления изучаемого чувства. Итогом стал выбор 36 изречений, которые были предложены экспертам для выделения из них наиболее типичных и ярких. В результате такой оценки было получено 26 формулировок, которые и составили содержание теста.

Проверка его психометрических характеристик была проведена на репрезентативной выборке (230 человек). С точки зрения требований психометрики предлагаемая методика является надежным измерительным инструментом, в структуре которого выделяются три субшкалы: “Любовь-помеха”, “Любовь-самоотдача”, “Любовь как возвышающая человека сила”.

Это несколько парадоксальный результат после всех высоких слов о любви, которые были приведены в настоящей статье. Однако с точки зрения наблюдений психологов, экзистенциальная потребность в любви может давать и особенно сильное разочарование от неудач, ошибок и разочарований. «Любовь – помеха» – это не отрицание любви как таковой, а показатель значимости любви и разочарования в том, что в подлинном своем значении пока в реальной жизни любовь не проявилась.

И здесь, в период испытаний, наступает время действия всей «оптимистической триады». Вера укрепляет волю к жизни, а надежда поддерживает оптимистический взгляд в будущее.

Опросник был опробован в кросскультурном исследовании (Маслова, Джидарьян, 2016). Оказалось, что выделенные субшкалы универсальны и могут характеризовать структуру представлений о любви в разных культурных условиях.

Таким образом, опросник «Представления о любви» вполне удовлетворяет принятым в психологии требованиям (см.: Психология ..., 2000) и может быть использован в психологических исследованиях для изучения индивидуальных и групповых представлений о любви, а также в рамках семейного

консультирования для диагностики, формирования и коррекции смысловой сферы членов семьи при возникновении проблем отношений.

Одно из высказываний, вошедших в субшкалу «Любовь как возвышающая человека сила», взято из 13-й главы первого послания апостола Павла к Коринфянам: «Любовь долго терпит, милосердствует... не мыслит зла... всему верит, всего надеется, все переносит...». В более полном виде этот фрагмент выглядит так: «13:4. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь *не завидует*, любовь *не превозносится*, *не гордится*, 13:5. *не бесчинствует*, *не ищет своего*, *не раздражается*, *не мыслит зла*, 13:6. *не радуется неправде*, а сорадуется истине; 13:7. все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. 13:8. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится».

Была также высказана идея, что из перечня того, что *не* является любовью, возможно создать экспресс-методику для проверки подлинности чувства. Но удивительно то, что было отобрано для включения в методику: «всему *верит*, всего *надеется*...». Мысль о единстве веры, надежды и любви органична, хотя для мировой психологии (даже позитивной психологии) эта мысль явно обладает новизной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В продолжение и развитие идей С.Л. Рубинштейна в лаборатории психологии личности ИП РАН ведутся исследования, связанные с нравственной проблематикой, затрагивающие такие феномены как совесть, правосознание, патриотизм, ценностные ориентации и психологическое здоровье личности.

Конкретизации идеи Рубинштейна об этике как «дифференциальной онтологии» служат исследования позитивных чувств веры, надежды и любви.

Разработано и обосновано понятие «оптимистическая триада чувств». Сформулирована идея о триединстве веры, надежды и любви как духовной, жизнеутверждающей основе активности личности.

Показано, что вера, надежда, любовь, как высшие чувства и важнейшие составляющие внутреннего мира личности, образуют своеобразную духовную ось, генерирующую необходимые для полноценного человеческого бытия благотворные, созидательные силы.

Триединая сущность веры, надежды и любви выражается в том, что каждая из них имеет свои основания в двух других, усиливая жизненный потенциал и способствуя более полной реализации возможностей друг друга.

Разработана методика для выявления представлений о любви. Отличие данной методики от большинства зарубежных состоит в том, что она ориентирована на ценностно-смысловой аспект любви в межличностных отношениях.

Выделена трехфакторная структура опросника, определившая его субшкалы: “Любовь-помеха”, “Любовь-самоотдача”, “Любовь как возвышающая человека сила”.

Аналогичная работа по уточнению современного понимания веры и особенно – надежды еще ждет своих исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абульханова-Славская К.А., Воловикова М.И., Елисеев В.А.* Проблема исследования индивидуального сознания // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 4. С. 27-40.
- Борисова Н.В.* Отечественная психология о духовных основах правосознания личности // Наука. Культура. Общество. 2017. № 2. С. 18-31.
- Воловикова М.И., Журавлев А.Л.* Характеристики нравственной элиты и современные представления о порядочном человеке // Известия

Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Выпуск 1 (25). С. 44-48.

Воловикова М.И., Харламенкова Н.Е. Вклад Л.И. Анцыферовой в развитие психологической науки // Выдающиеся ученые Института психологии РАН. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 8-28.

Джидарьян И.А. Эстетическая потребность. М.: Наука, 1976.

Джидарьян И.А. Вера, надежда, любовь: оптимистическая триада чувств // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 6. С. 5-17.

Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Джидарьян И.А., Беловол Е.В., Маслова Г.В. Разработка опросника для изучения представлений о любви // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 111-119.

Юревич А.В., Журавлев А.Л. Счастье как научная категория // Вестник РАН. 2014. Т. 84. № 8. С. 715-723.

Журавлева Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Ильин Е. П. Психология доверия. СПб.: Питер, 2013.

Китова Д.А. Экономические условия жизнедеятельности и факторы коррупции в экономическом сознании старшеклассников [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Том 1. № 3. С. 144-173. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document256.pdf> (дата обращения 23.10.2017 г.).

Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 5-19.

Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Теоретические и методологические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально ориентированного поведения [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 23-40. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document197.pdf> (дата обращения 28.02.2018).

Макропсихология современного российского общества / Под. ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Маслова О.В., Джидарьян И.А. Представления о любви и культура: результаты эмпирического исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. №2. С. 114-119.

Мустафина Л.Ш. Взаимосвязь представлений о совести и ценностных ориентаций у молодежи [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4(8). С. 29-42. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document259.pdf> (дата обращения 23.10.2016).

Мустафина Л.Ш. Динамика социальных представлений современных старшеклассников о совести [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. С. 69-82. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document259.pdf> (дата обращения 23.10.2016).

Нравственность современного российского общества: психологический анализ /

Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А.Л.

Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В.

Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы

современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И.

Воловикова, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Психология: Учебник для экономических вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. СПб.:

Питер, 2000.

Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во

«Институт психологии РАН», 2010.

Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Отв. ред.

К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова. М.: Изд-во

«Институт психологии РАН», 1997.

Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / Под ред. М. К. Горшкова

и В. В. Петухова. М.: Весь мир, 2015.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

Селигман М. Новая позитивная психология. М.: София, 2006.

Соснин В.А. Роль средств массовой информации и системы образования в

воспитании исторической памяти в современной России //

Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 102-105.

Соснин В.А. Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация

российского общества: проблема космополитизма и будущее развитие

России // Наука. Культура. Общество. 2015. № 3. С. 42-56.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Фромм Э. Революция надежды. СПб: Ювента, 1999.

Юревич А.В., Журавлев А.Л. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137-140.

Volovikova M., Zhuravlyov A. Implicit Notions of the Moral Elite's Features // Social Sciences. 2016. Т. 47. № 4. С. 74-88.

**DEVELOPMENT OF S.L. RUBINSTEIN'S IDEAS IN THE RESEARCH OF
THE LABORATORY OF PSYCHOLOGY OF PERSONALITY OF
INSTITUTE OF PSYCHOLOGY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES****

M.I. Volovikova*, I.A. Dzhidar'yan**

*Sc.D. (psychology), professor, leading research officer, laboratory of psychology of personality, FSFES Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 13-1 Yaroslavskaya str., Moscow, 129366; e-mail: margarita-volovikova@ya.ru

**Ph.D. (philosophy), senior research officer, the same place.

Summary. The results of the theoretical analysis of the development of the ideas of S.L. Rubenstein in research of laboratory of the psychology of personality of Institute of psychology RAS presented. The development of the directions connected with the moral perspective mentioning such characteristics of the identity of the person as conscience, sense of justice, patriotism, valuable orientations and psychological health conducted shown. Continuity and a specification of the idea of S.L. Rubenstein about ethics as "differential ontology" in studying of positive phenomena of belief, hope, and love shown. The theoretical novelty of the developed concept "optimistic triad" is shown. The idea of the trinity of belief, hope, and love as to a spiritual, vital basis of activity of the personality formulated. The triad reflecting the highest feelings and the most important components of the inner

** This research was fulfilled in accordance with the Federal Agency for Scientific Organizations' State assignments are № 0159-2016-0002.

world of the personality forms the peculiar spiritual axis generating salutary, creative forces, necessary for full human life shown. The triune essence of belief, hope, and love expressed that each of them has the reasons for two others strengthening vital potential and promoting the fuller realization of opportunities of each other concluded. It is shown that the belief deprived of love can result in fanaticism. The technique for identification of ideas of love and its difference from most of foreign analogs which consists in orientation to the valuable and semantic aspect of love in the interpersonal relations described. The three-factorial structure of the questionnaire which defined its subscales is marked out: "Love hindrance", "Love devotion", "Love as force ennobling the person". It is suggested about relevance of carrying out similar work on specification of modern understanding of phenomena of belief and especially – hopes.

Keywords: S. L. Rubinstein, traditions, differential ontology, morality, culture, optimistic triad, faith, hope, love, questionnaire.